

Вяч. Иванов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ХЕТТСКОГО ТЕРМИНА PANKU- «СОБРАНИЕ»

(Окончание *)

4. *Функции хеттского собрания (panku-)*. Двухязычный документ Хаттусилиса I представляет особый интерес для изучения истории хеттского собрания не только потому, что из него можно извлечь рассмотренные выше данные о составе панкуса, но и потому, что в нем говорится и о функциях панкуса. В конце документа определяются обязанности будущего царя — Мурсилиса. Ему вменяется в обязанность следующее (HAB, III, 59—61, §§ 21—22; сохранился в основном только хеттский текст, от аккадского варианта дошло лишь несколько слов): *ua-aš-du-ul ku-e-ēl-qa [a-u] t-ti na-aš-šu DINGIR^{LIM}-ni ku-iš-ki pi-ra-an ua-aš-ti na-aš-ma ut[-tar k]u-iš-ki [ku]-it-ki te-iz-zi nu-[z]a ra-an-ku-un EGIR-ра pu-nu-uš-ki* («если ты [увид]ишь чей-либо проступок (чью-либо провинность) или (если) кто-нибудь перед божеством провинится или (если) [к]то-нибудь [какое-нибудь сл[ово] скажет, то (в каждом случае) ты спрашивай панкуса». Из этого явствует, что полномочия панкуса были очень широки: царь должен был спрашивать о мнении панкуса в случае чьих-либо провинностей (преступлений), чьих-либо слов (видимо, имеются в виду речи преступного характера с точки зрения царя) и дел, которые могут рассматриваться, как провинность перед божеством.

Зоммер считал возможным рассматривать этот текст как свидетельство главным образом религиозных функций панкуса¹. Мысль о том, что панкус имел важные религиозные функции, может быть доказана рассматриваемыми ниже данными религиозных текстов, но в документе Хаттусилиса I «провинность перед божеством» выступает лишь как одна из трех категорий провинностей, относительно которых следует спрашивать панкуса.

* См. ВДИ, 1957, № 4 (см. там названия работ, на которые в данной части статьи ссылки даются в сокращенной форме).

¹ Sommer — Falkenstein, HAB, стр. 183; 186; 211. Интерпретация этого текста в исследовании Зоммера представляется во многих отношениях натянутой. Слово *uadul*, употребленное в цитированной фразе, имеет не только значение «(религиозный) грех», но и «провинность, преступление» (ср. Friedrich, HW, стр. 249). Нет оснований для того, чтобы считать, что в цитированном тексте речь идет обязательно о богохульственном «слове» (т. е. речах), а не вообще о преступных речах. Не является доказанным также и предположение Зоммера об исключительном характере панкуса, который якобы уже при Хаттусилисе мог заниматься только провинностями наиболее важных лиц (это можно считать справедливым лишь по отношению к значительно более позднему царствованию Телепинуса).

Поэтому нет оснований рассматривать панкус как только «культовую общность» (Kultgemeinschaft)²; такое ограниченное понимание функций панкуса противоречит как только что цитированному перечислению случаев, в которых царь должен спрашивать мнение этого собрания, так и тому обстоятельству, что сам Хаттусилис (как позднее Телешинус) обратился к панкусу (и сановникам) с речью о назначении наследника и взаимоотношениях царя и его подданных (т. е. с речью отнюдь не религиозного содержания, хотя в ней и содержатся краткие указания на религиозные обязанности царя).

За приведенным местом билингвы Хаттусилиса следует предложение, которым заканчивается раздел о функциях панкуса: *nu EME[-as-sa] EGIR-ra ra-an-ga-u-i-pat u[a]-ha-an-za e-es-du* «и речь (язык) да будет (каждый раз) обращена (буквально: повернута) к панкусу» (HAB, III, 61—62, аккадский текст сильно поврежден). Это предложение может быть понято двояко: 1) или (что всего вероятнее³) перед панкусом должно происходить обсуждение указанных провинностей, или 2) имеется в виду только последняя часть предыдущего предложения («если кто-нибудь какое-нибудь слово скажет»); в этом случае текст следовало бы понять так: панкусу нужно сообщить об этом «слове» (этой речи). Второе толкование менее вероятно, так как дальше о панкусе ничего уже не говорится, поэтому это (последнее) предложение должно иметь более общий характер. Маловероятно, что раздел о функциях панкуса кончался детально, по существу повторяющей предыдущее предложение, так как там уже говорилось, что панкус нужно спрашивать по поводу «слова». Следовательно, это предложение нужно понимать скорее всего как указание на необходимость обсуждения преступлений и провинностей перед панкусом.

Предложенная выше интерпретация тех мест билингвы Хаттусилиса, где говорится о роли панкуса, вполне согласуется с данными более позднего древнехеттского текста — документа Телешинуса. Этот документ, как и «завещание» Хаттусилиса, следует считать обращением царя к панкусу. Телешинус, как и Хаттусилис, обращается (во второй части

² Sommer — Falkenstein, HAB, стр. 186.

³ Так понимают этот текст Götze, Kleinasien, стр. 80, и Delaporte, Les hittites, стр. 172. Hardy, ук. соч., стр. 199, переводит: let the tongue (i. e. decision?) be turned back to the assembly «пусть язык (т. е. решение?) будет повернут назад к собранию», но передача EGIR-ra в данном случае посредством back «назад» ошибочна. Интерпретация данного предложения в духе гипотезы о религиозном характере панкуса, данная в монографии Зоммера (Sommer — Falkenstein, HAB, стр. 184—185), представляется совершенно необоснованной. Зоммер видит в этом предложении пожелание об отвращении гнева богов от панкуса. При этом остается недоказанным, почему EME «язык» следует понимать обязательно как «злой язык», из-за которого гнев богов может обрушиться на весь панкус. Зоммер ссылается на употребление EME в значении «(злой) язык, дурная речь» в ритуальных текстах, в частности, в сочетании *paṅgaṣaš* EME, которое он понимает как «язык одного человека, осквернившего весь панкус». В действительности же из ритуальных текстов следует, что *paṅgaṣaš* EME означает «язык целой совокупности людей» (см. ниже), а не «одной личности» (Einzelperson), как думает Зоммер. EME не обязательно употребляется в хеттских текстах в значении *idalu* EME «злой язык»; это слово может обозначать речь, слова разного рода, например, слова человека, обращающегося с молитвой к богам (KUB, VI, 45, III, 21—22). Ошибочно и понимание Зоммером *arra* (в сочетании с глаголом *ṣaḥḥu-*) в этом предложении: учитывая тесную связь этого предложения с предшествующим, можно считать бесспорным, что *arra* в обоих предложениях употребляется в одной и той же функции. Употребление *arra* в первом предложении для обозначения повторяемости действия было правильно отменено самим Зоммером, переводящим его «каждый раз». Но именно поэтому лишается смысла предлагаемый Зоммером перевод *arra ṣaḥḥu-* во втором предложении, тем более невероятный, что этот перевод требовал бы рассмотрения дательного падежа *paṅgaṣaš* как формы со значением отложительного падежа.

документа) к аудитории во 2-м лице множественного числа. Собранию, к которому он обращается, Телепинус предписывает быть панкусом (Tel., II, 47, § 30) и судить преступников. Из этого же текста известно, что панкус при Телепинусе функционировал еще до составления данного документа (так как в это время три преступника были осуждены панкусом). Нет оснований думать, что состав панкуса от случая к случаю менялся. Поэтому не подлежит сомнению, что собрание, которое Телепинус призывает быть панкусом, было панкусом и в то время, когда к нему обращался Телепинус⁴.

Сопоставляя эти тексты, имеющие много общего и в содержании⁵, и в структуре⁶, можно установить некоторые характерные черты обращений древнехеттских царей к панкусу. Оба памятника в значительной степени посвящены проблеме наследования престола⁷. Вместе с тем в них очерчиваются юридические функции панкуса и его взаимоотношения с царем в будущем. Документ Телепинуса иллюстрирует функции панкуса и конкретным примером, рассказывая о деле трех преступников, повинных в убийствах и приговоренных к смерти панкусом (§ 26, II, 27—28)⁸. Поскольку далее сообщается, что царь заменил смертный приговор более легким, можно считать, что в данном случае речь идет именно о таком совещании царя с панкусом по поводу преступлений, которое предусмотрено в билингле Хаттусилиса.

Дело Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса — представителей знатных родов, осужденных панкусом, — Телепинус рассматривает в качестве очень важного прецедента, который в дальнейшем должен определять права панкуса. Обращаясь к панкусу, Телепинус говорит, что Танувас, Тахарваилис и Тарухсус «должны быть знаком» перед панкусом, когда панкус будет судить знатных сановников (II, § 33). По документу Телепинуса панкусу предоставляется право судить высших должностных лиц. Надо думать, что это не было нововведением по сравнению с

⁴ Предположение, что Телепинус обращается к созванному им собранию, высказывал Стертевант, но он не отождествлял это собрание (assembly) с панкусом (см. *Sturtevant and Bechtel, A Hittite chrestomathy*, стр. 198). Более близка к изложенной выше точке зрения мысль И. М. Дьяконова и И. М. Дунаевской, которые считают документ Телепинуса законом, принятым в панкусе (ЗВАХ, II, стр. 254; 292; к сожалению, в этой работе не учтены связи документа Телепинуса с документом Хаттусилиса). В одной из последних работ Гютербока дается новый перевод цитаты из документа Телепинуса, также исходящий из мысли о том, что Телепинус обращается к панкусу (*C ü t e r b o c k, The authority and law...*, стр. 19).

⁵ Ср. выше о тождестве употребляемых в обоих памятниках формул, относящихся к врагам царя, пощаженным им. Следует также отметить, что рассказ о восстании, имевшем место при Хаттусилисе, присутствует и в документе Хаттусилиса (НАВ, §§ 12—13), и в памятнике Телепинуса (§ 7). В обоих текстах рассказы о смутах и междоусобице приводятся для того, чтобы обосновать требование об объединении подданных — членов панкуса под властью царя, а также для мотивировки устанавливаемого порядка наследования. Ср. также содержащееся в обоих документах требование, чтобы царь читал таблицы наказания, оставляемого его предшественником.

⁶ Ср. *H. G. Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern*, II, ZA, N. F., X (1938), стр. 99.

⁷ Относительно изменения выборного характера власти хеттского царя в эпоху Телепинуса ср. *И в а н о в*, ук. соч., стр. 49. Бездоказательно утверждение Перуцци, будто панкус, созданный (?) Телепинусом, имел *il compito specifico di fare rispettare la legalità nei casi controversi per la successione al trono* «особую задачу заставлять уважать законность в спорных случаях престолонаследия» (*G. Peruzzi, Storia e civiltà degli hittiti*, Napoli, 1950, стр. 47). В тексте Телепинуса нет оснований для этой гипотезы.

⁸ Вопрос о функциях панкуса в эпоху Телепинуса подробно рассматривался в ряде работ советских историков. Поэтому в настоящей статье автор касается этого вопроса лишь в той мере, в какой это необходимо для сопоставления текста Телепинуса с другими источниками, не освещавшимися в нашей исторической литературе.

эпохой Хаттусилиса I, так как Хаттусилис обязывал царя спрашивать мнение панкуса обо всех преступлениях, следовательно, и о преступлениях, совершенных высшими сановниками. Но в период, предшествовавший воцарению Телепинуса, преступления, совершаемые представителями высшей знати, оставались безнаказанными; фактически высшие сановники перестали быть подсудными панкусу (что было логическим следствием неравноправия членов панкуса и высшей знати, отмечаемого уже во время Хаттусилиса I, см. выше). Стремясь положить конец непрерывным дворцовым переворотам, Телепинус возрождает старинные права панкуса. Панкусу предписывается судить знатных сановников подобно тому, как были осуждены Танувас, Тахарваилис и Тарухсус. Поскольку высшие посты занимали обычно родственники царя, это означало, что панкус имел право судить представителей царского рода. Но в то же время панкус должен был обезопасить ближайших родственников царя от возможных посягательств царя на их жизнь (Tel., II, § 30, 46)⁹.

Телепинус сам подчеркивает различие между временем, предшествовавшим его воцарению («прежде крови становилось много»), и последующим периодом, когда должен действовать закон об ответственности царя за убийство его братьев и сестер. Поэтому мысль о том, что закон о подсудности царя был нововведением Телепинуса, является вполне обоснованной¹⁰. Но из документа Телепинуса следует только, что подсудность царя панкусу отсутствовала в эпоху перед вступлением на престол Телепинуса. Как явствует из исторической (первой) части документа Телепинуса, правление первых царей древнехеттского периода (кончая Мурсилисом I — преемником Хаттусилиса) Телепинус рассматривал как образец как во внутренней, так и во внешней политике. Анализ документа Хаттусилиса I позволяет высказать гипотезу о том, что положение о подсудности царя панкусу (в случае, если царь посягал на своего брата или сестру) было нововведением для эпохи Телепинуса, но вместе с тем возвращением к старым обычаям, действовавшим еще при первых хеттских царях.

В билингве Хаттусилиса вслед за заявлением Хаттусилиса о лишении сына его сестры титула «набарны» (царя) излагаются (довольно подробно, с сохранением чрезвычайно любопытной образности этого «плача») жалобы матери отстраненного наследника. За этими жалобами следуют оправдания Хаттусилиса, который, во-первых, указывает на вред, который принес бы его подданным и сановникам (т. е. его слушателям) отстраненный наследник и его родственники, во-вторых, подробно описывает, как милостиво он (царь) обошелся с преступным племянником, подарив ему после его отстранения «много полей, много быков (и) много овец» (далее в этом месте употребляется формула «пусть он ест и пьет», о которой речь шла выше). Если учесть, что данный памятник является обращением Хаттусилиса I к панкусу, то станет ясно, что Хаттусилис оправдывается перед панкусом, утверждая, что он не причинил зла сыну своей сестры. Аналогичный спор между Хаттусилисом и другой его ближайшей родственницей («дочерью») развертывается в связи с рассказом о восстании, в котором была замешана эта родственница царя. Эта родственница царя, виновная в государственном преступлении, тем не менее ведет себя очень независимо и требует, чтобы царь выделил ей боли ше иму-

⁹ Поскольку в указанном месте панкус призывается сказать царю, что «это — дело крови!», следует сравнить это место с § 49 того же текста, где говорится, что царь не должен решать «дела крови».

¹⁰ Этой точки зрения придерживался такой выдающийся ученый, как В. Н г о z n y, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Prag, 1943, стр. 162.

щественных ценностей, чем он был намерен дать ей. За этим снова следуют оправдания царя. Эти факты показывают, что в эпоху Хаттусилиса взаимоотношения царя и его ближайших родственников подлежали обсуждению перед панкусом (ср. разобранный выше предлог «язык да будет обращен к панкусу»). Не могло идти и речи о том, чтобы царь убил неугодных ему родственников. Высшим наказанием для родственников царя было нечто вроде «почетной ссылки»: им выделялись дворцы, земли, скот и предоставлялась возможность «есть и пить» (т. е. пользоваться всеми благами).

После царствования Хаттусилиса I положение меняется. Ожесточенная борьба за власть между представителями знатных родов, царскими родственниками и свойственниками привела к тому, что убийство царя или его родственников стало обычным явлением. Телепинус стремился положить конец длительному периоду царсубийств и актов кровной мести. С этой целью он восстановил древний обычай, по которому взаимоотношения царя с его братьями и сестрами контролируются панкусом. Но вместе с тем был введен и новый закон, продиктованный изменившимися условиями: за убийство брата или сестры царь отвечал своей головой. По существу этот новый закон был продолжением тех же древних установлений, но с тем отличием, что в древности убийство царем его родственников было бы фактом исключительным или вовсе невероятным.

5. *Употребление существительного ranku- в хеттских текстах религиозного содержания и вопрос о религиозных функциях ranku-*. Религиозные памятники позволяют сопоставить употребление ranku- в качестве прилагательного с употреблением ranku- в качестве существительного в сходном контексте, а именно в сочетании с существительным, обозначающимся идеограммой EME (хеттское lala)¹¹ «язык». Ввиду того, что употребление ranku- в качестве прилагательного должно было предшествовать субстантивации этого прилагательного, целесообразно начать рассмотрение этих сочетаний с тех случаев, где ranku- — прилагательное.

Прилагательное ranku- в форме родительного падежа единственного числа rangauš в ряде случаев употребляется в качестве определения к существительному (в форме род. пад. ед. ч.), сочетающемуся с EME и показывающему, о чем языке (т. е. о чем злоречии) говорится в данном ритуале. В двух случаях имеется в виду злоречие (дурной язык, дурное мнение) всего рода (семьи) или же всех родов (семей), соответственно ranku- употребляется в сочетаниях rangauš hanšannaš EME-an «язык целого (совокупного) рода (семьи)» (KUB, 4, IV, 9 + HT, 6, пер., 17), rangauš MAŠ^{HI.A} EME-an «язык целого (совокупного) рода» (или «совокупных родов», так как идеограмма MAŠ «род» употреблена здесь с показателем множественности HI.A) (KUB, IX, 4, IV, 13). Эти случаи представляют особый интерес потому, что связь терминов ranku- «род» и ranku- позволяет считать употребление прилагательного ranku- в качестве определения рода весьма архаичным (см. ниже).

В другом случае речь идет о «языке» еще более обширной совокупности людей: DUMU.LÚ.GÁL.LU rangauš EME «язык всего (совокупного) человечества» (KUB, XII, 58 = Tun., 38). Последний пример оказывается особенно поучительным потому, что наряду с цитированным выражением, где ranku- является прилагательным, в том же риту-

¹¹ О хеттском lala «язык» см. H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, B., 1953, стр. 77, прим. 83; H. Otten, Bib. Or. VIII (1951), № 6, прим. 9 на стр. 225; E. Laroche, RAss. XLVIII (1954), № 1, стр. 46; ср. о родственном палейском слове A. Kammenhuber, OLZ, 1954, стр. 231; Г. А. Капанцян, Ар. Ор., XXII (1954), № 4, стр. 510.

але Туннави в сходном контексте ranku- употребляется в качестве существительного. Рассмотрим подробнее этот случай.

Данный религиозный текст посвящен ритуальному очищению человека, который был до этого осквернен. Важнейшие с точки зрения хеттской религии понятия перечисляются при этом в такой последовательности: кто-то сделал его нечистым перед судом богов (*PA-NI DINGIR*^{MEŠ} ku-iš-ki pa-ap-ra-ah-ta «перед богами кто-то сделал нечистым» — Tun., II, § 18,31—32), перед судом мертвых (ag-ga-an-da-aš ku-iš-ki pi-ra-an pa-ap-ra-ah-ta «перед мертвыми кто-то сделал нечистым» — Tun., II, 32—33), перед судом человечества (*PA-NI DUMU.LÛ.GÁL.LU* ku-iš-ki pa-ap-ra-ah-ta «перед человечеством кто-то сделал нечистым» — II, 33). Затем тот, ради кого совершается ритуал, освобождается от «дурной нечистоты, колдовства (и) виновности» (i-da-lu pa-ap-ra-tar al-ua-an-za-tar a-aš-ta-ia-ra-tar — Tun., II, § 19,36). После этого вновь перечисляются (в той же последовательности) боги, мертвые (души мертвых) и человечество. Оскверненный освобождается от последствий того, что он был сделан перед ними нечистым: от «гнева бога» (*ŠA DINGIR-LI* kar-pi-in — II, 37, § 19), «страха мертвых» (ag-ga-an-ta-aš... ha-tu-ga-tar — II, § 19, 37) и, наконец, от «дурного языка всего (соединенного, совокушного — rangauaš) человечества»: *ŠA DUMU.LÛ.GÁL.LU* ma-aš-ši-kán pa-an-ga-u-ua-aš i-da-lu-un EME-an da-aš-ki-mi «и его (ее) я избавляю от дурного языка (злоречия) всего человечества» (Tun., II, 38—39).

Далее в том же ритуале вновь говорится об освобождении от дурной нечистоты (оскверненности), колдовства и виновности и об избавлении от гнева богов, страха мертвых и дурного отношения человечества: na-at ar-ha tar-[n]a i-da-lu pa-ap-ra-tar al-ua-za-a-a-tar a-aš-ta-ia-ra-tar *DINGIR*^{MEŠ}-aš kar-pi-in ag-ga-an-ta-aš ha-tu-ga-tar *DUMU*-la-an-na-aš hu-i-ra-ia-ta-an na-at ar-ha tar-na «и устрани это! Дурную оскверненность, колдовство, виновность, гнев богов, страх мертвых, злое отношение человечества¹², — устрани это!» (Tun., II, § 22,57—60). Наконец, «дурная нечистота, колдовство и виновность» (idalu papratar aluazatar ašajatar — Tun., § 31, III, 39—40) перечисляются еще раз, причем за этим перечислением вновь следует «гнев богов» (*DINGIR*^{MEŠ}-aš kar-pi-in). Но за этим перечислением, повторяющимся в одинаковом контексте третий раз, следует EME «язык» в сочетании не с rangauaš *DUMU.LÛ.GÁL.LU* «всего человечества» (в значении «язык всего человечества»), как до этого, а в сочетании с родительным падежом единственного числа существительного ranku-: pa-an-ga-u-ua-aš EME-an (Tun., III, § 31,42)¹³.

Сходство всего окружения, в котором в двух параллельных местах ритуала Туннави употребляется rangauaš *DUMU.LÛ.GÁL.LU* EME и rangauaš EME, не позволяет сомневаться в том, что значения этих двух выражений очень близки. По-видимому, существительное ranku- в этом кон-

¹² Полное тождество этого текста (Tun., II, 57—60) предыдущему аналогичному тексту (Tun., II, 36—39) не позволяет сомневаться в том, что huipaiatt- синонимично idalu EME «злой язык». Поэтому можно с большей определенностью говорить о значении этого слова, чем это делалось до сих пор (ср. неуверенный перевод F r i e d r i c h, HW, I, стр. 71).

¹³ Одним из недостатков рассуждений Зоммера о выражении rangauaš EME (S o m m e r—F a l k e n s t e i n, НАВ, стр.138) является то, что он не учитывал контекста (в широком понимании). Поэтому Зоммер не заметил, что место этого выражения в перечислениях определяется иерархией религиозных понятий, что доказывается рассмотренным выше текстом.

тексте выступает в значении «целая очень обширная совокупность людей»; соответственно pangauaš EME означает «язык целой обширной совокупности людей». Правильность такого перевода подтверждается и тем, что в одном ритуальном тексте говорится о волшебном изображении «языка всех» (hu-u-ma-an-da-aš EME-an — KUB, XXIV, 12, II, 6); здесь *humanteš* «все» выступает в качестве синонима существительного *pankuš* «обширнейшая совокупность людей, включающая всех»¹⁴.

Необходимо обратить внимание на то, что в выражении pangauaš EME (которое очень часто употребляется в ритуальных текстах¹⁵), *panku-* означает совокупность людей, мнение которой имеет очень большое значение: «(злая) речь этой совокупности людей» (*pangauaš EME*) в ряде текстов в перечислениях занимает второе место — вслед за гневом богов (*DINGIR^{MEŠ} -aš kar-pi-in*)¹⁶. В этом отношении употребление *panku-* в религиозных текстах сближается с употреблением *panku-* в качестве названия собрания, мнение которого определяет судьбу человека.

Зоммер считал, что в религиозных текстах речь идет о панкусе, т. е. о *panku-* в значении социального термина¹⁷. Эту гипотезу в той форме, в которой ее изложил Зоммер, принять нельзя. Зоммер полагал, что выражение pangauaš EME означает «язык (речь) одного члена панкуса, осквернившего весь панкус» и навлекшего на панкус несчастья (гнев богов). Но анализ контекста, в котором употребляется это выражение, показывает ошибочность такой интерпретации: в действительности pangauaš EME означает «язык» (речь) целой совокупности людей, очень обширной (ср. параллельное «язык всего человечества», см. выше). Зоммер думал, что один человек навлекает кару (гнев богов) на весь *panku-* (панкус); но анализированный выше текст ритуала Туннави показывает, что, наоборот, человек становится ритуально нечистым «перед божеством и перед всем человечеством» и поэтому боится гнева богов и злой речи *panku-*. Таким образом, сочетание pangauaš EME следует истолковывать совсем не так, как предлагает Зоммер. Однако мысль о том, что *panku-* в этом выражении может быть связано с *panku-* «панкус, народное собрание», заслуживает внимания.

При ритуальном очищении (см. выше) человека освобождают от гнева богов, перед которыми он стал нечистым, и от дурного языка всего человечества, перед которым он стал нечистым; позднее речь идет об освобождении от гнева богов и от дурной (злой) речи *panku-* — обширной совокупности людей. Если сопоставить это с предписанием Хаттусилиса I о необходимости советоваться с панкусом по поводу провинностей перед божеством, то очень частая в ритуальных текстах связь «гнева богов» с дурной речью панкуса (т. е. с речью панкуса, направленной про-

¹⁴ Ср. выше о синонимичности *humant-* и *panku-* в конце перечислений и в применении к населению целой страны.

¹⁵ К случаям употребления этого выражения, указанным Зоммером (S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 138), в настоящее время следует прибавить следующие места текстов, опубликованных в 1953 г.: KUB, XXXV, 80, I, 10 и 13; KUB, XXXV, 146, III, 3 (в тексте KUB, XXXV, 80, I, 10 засвидетельствована партитивная аппозиция: *pa-an-ga-u-da-az EME-az* «от языка *panku-*», ср. аналогичную конструкцию во фрагменте Во 3290, приведенном в кн. O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, прим. 83 на стр. 77).

¹⁶ См., KUB, IX, 4, II, 8; KUB, IX, 34, IV, 8; ср. также и рассмотренный выше текст, Тун., III, § 31.

¹⁷ S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 138 и 186. Эта точка зрения не подвергалась обсуждению в научной литературе. В работах зарубежных хеттологов в этом вопросе господствует полная неясность. Так, в последней книге Оттена *panku-* в ритуальных текстах в сочетании с EME переводится то в соответствии с концепцией Зоммера (O t t e n, ук. соч., стр. 77, прим. 83), то просто как «толпа, множество (людей)» (там же, стр. 93).

тив того, кто провинился перед божеством) становится вполне понятной. Согласно воззрениям хеттов, «совершивший преступление считался ритуально нечистым» (ЗВАХ, II, стр. 101, прим. 2); поэтому упоминание панкуса — юридической инстанции — в религиозном тексте, описывающем ритуал очищения, является закономерным. Существенно также и то, что (злая) речь *panku-* представляла опасность не только для отдельного человека, но и для целого селения (URU), как это следует из ритуалов, где селение (или город) освобождается от злой речи *panku-*: *ma-a-an URU-an iš-ḫa-na-aš li-in-ki-ja-aš pa-an-ga-u-ḫa-aš la-la-aš a-ni-ja-mi* «когда я совершаю (обряд для очищения) города (селения) от крови (кровавого дела) клятвпреступления (злого) языка *panku-*¹⁸». В этом ритуале город (селение) освобождается от преступлений и от (злой) речи *panku-*, вызванной этими преступлениями. Поэтому можно думать, что *panku-* в данном случае выступает в качестве названия юридической инстанции, от решения которой зависела судьба селения. Наиболее веским доводом, говорящим в пользу такой интерпретации выражения *panḡaḡaš EME* «язык *panku-*», является употребление параллельного сочетания *panḡaḡaš IGI^{HI.A}* «глаза обширной совокупности людей (=панкуса).

«Глаза» (*IGI^{HI.A}*) употребляются в ритуальных текстах в значении, очень близком к *EME* «язык», как об этом свидетельствует следующее место: *i-da-lu-uš-ḫa-aš-ša-an an-tu-u-ḫa-ah-za i-da-lu-us EME-aš i-da-a-la-ḫa IGI^{HI.A}-ḫa* «дурной (злой) человек, дурной (злой) язык, дурные (злые) глаза» (KUB, XII, 44, III, 6—8). Здесь объединяется зло, связанное с дурной речью, и зло, идущее от глаза, дурного глаза. Поэтому значение сочетания *panḡaḡaš EME* должно быть близко к значению сочетания *panḡaḡaš IGI^{HI.A}*. Значение сочетания *panḡaḡaš IGI^{HI.A}* выясняется из следующего ритуального текста: *ar-ḫa-ma-at-ši-kán da-ah-ḫu-un SAL. ŠU.GI na-at-ši-kán ar-ḫa an-šu-un KUR-e-an-da-aš tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa LUGALSAL.LUGAL URU-aš Ead-da-aš an-na-aš LÚ^{MES} RA-BU-TIM LÚ^{HA-AZ-ZI-IA-AN-NI} ma-ni-ja-ah-ḫi-ja-aš EN-aš LÚ^{MES} DUMU.É. GAL tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa da-ah-ḫu-un pa(n)-ga-u-ḫa-aš ma-ni-in-ku-ḫa-an-da tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A} ŠA É-TI SAG.DIM. IR^{MES} tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa da-ah-ḫu-un* «я избавила его от этого (буквально «я взяла это прочь от него»). Я, старая женщина [действующее лицо многих хеттских ритуальных текстов], стерла это с него: страны гневный¹⁹ взгляд; царя (и) царицы, города, родительского дома, знатных (людей), главного в городе²⁰, правителя страны, господина, „сынов дворца“ гневный взгляд, панкуса пристальный гневный взгляд, служителей дома гневный взгляд я взяла (убрала)» (KUB, XXIV, 13, III, 18—23 = HT, 94). Из контекста следует, что в сочетании *panḡaḡaš IGI^{HI.A}* *panku-* следует понимать как общественный термин; это подсказывает перечисление рядом с «глазами панкуса» «глаз» (*IGI^{HI.A}*), т. е. «взглядов» различных должностных лиц, царя и царицы и т. п. В осо-

¹⁸ KUB, XXX, 35, I, 1; ср. также аналогичный текст Bo 3290 (фрагмент, приведенный в кн. O t t e n, ук. соч., стр. 77, прим. 77).

¹⁹ Перевод *tarkuḡanda* «гневный» обоснован А. Goetze, Hittite *tarkuwa(i)*, «Language», XV (1939), № 2, стр. 118—119.

²⁰ А. Goetze, The Hittite ritual of Tunlawi, переводит *LÚ^{HA-AZ-ZI-IA-AN-NI}* «мэр» («the mayor»), но этот перевод является крайней модернизацией хеттского общественного устройства.

бенности показательно то, что «взгляду панкуса» предшествует «взгляд сынов дворца», которые, как показывает документ Телепинуса и фрагмент 2 Во TU, 10 β, входили в состав панкуса. Существенно также и то, что перечисление начинается со «взгляда страны»²¹. Судя по этому тексту, panku- и в ритуальных текстах могло иметь значение «панкус, собрание».

Наряду с сочетаниями rangauaš ICIII A и rangauaš EME в хеттских сакральных текстах засвидетельствовано выражение rangauaš TI-tar «жизнь целой совокупности людей»²². Ввиду того, что выражение rangauaš TI-tar «жизнь panku-» часто встречается в текстах предсказаний²³, представляется целесообразным сопоставить с употреблением panku- в этом выражении другие случаи употребления существительного panku- в текстах, где описываются предсказания. Существительное panku- очень часто встречается в хеттских текстах, описывающих предсказания оракула «действия» (KIN)²⁴. Предсказания этого оракула давались после бросания жребия²⁵. В соответствующих ритуальных церемониях большую роль играл panku-. При описании предсказания оракула KIN сообщается, что panku- дал невыгодное (для спрашивающего) решение: ran-ku-uš-za KAP-la-tar HUL-lu-ja ME-aš (KBo, II, 6, III, 25) «panku- дал неблагоприятное решение (буквально: неблагоприятность) и зло»²⁶. Эта формулировка напоминает о юридических функциях панкуса и о выражениях «(злой) язык panku-» и «гневный взгляд panku-» в рассмотренных выше ритуальных текстах. Употребление существительного pankuš аналогично употреблению слова LUGAL-uš «царь» в том же тексте оракула KIN (KBo, II, 6, 1, 22): LUGAL-uš-za ZAG-tar ... ME-aš «царь дал благоприятное решение»²⁷. Из сопоставления двух приведенных мест следует, что panku- в этом тексте употребляется в значении инстанции, решение которой может быть соотнесено с решением царя. Но нельзя думать, что в текстах оракула KIN речь идет о юридических инстанциях в буквальном смысле слова.

²¹ Ср. выражение pankuš URU Hatti «панкус страны Хатти=вся (совокупная) страна Хатти».

²² В тексте KUB, XXXV, 146, II, 3 употребляется также выражение того же типа rangauaš huššil, но о значении этого выражения судить нельзя, так как неизвестно значение слова huššil в данном тексте, см. Werner, OZ, 1954, № 7 8, стр. 297; о значении слова huššil ср. Goetze, The Hittite ritual of Tunnawi, стр. 67—68; Friedrich, HW, I, стр. 77; в пользу предположения о заимствованном характере этого слова говорят его фонетические особенности, ср. чередования huššili-/huššuli-(Otte n, Bib. Or., VIII, № 6, стр. 227, прим. 20); ср. Telepinu-Telepunu- и т. п.

²³ См. об этом Goetze, JCS, I (1947), № 1, стр. 87; Friedrich, HW, I, стр. 96. Лёгце переводит это выражение «life of the pankus», Фридрих — «Leben der Gemeinschaft».

²⁴ Ср. о тексте KUB, XXXVI, 46,7 — E. Lagasche, OZ, 1956, стр. 421.

²⁵ Толкование A. Götze, Kleinasien, München, 1933, стр. 141, принятое G. Furlani, La religione degli hittiti, Bologna, 1936, стр. 136; ср. также Friedrich, HE, II, стр. 75; оригинальную, но фантастическую интерпретацию оракула KIN (основанную в целом на описании Гётце) дает M. Riemerschneider, Augengott und heilige Hochzeit («Fragen zur vorgeschichtlichen Religion», I), Lpz, 1953, стр. 199 и стр. 162, прим. 1.

²⁶ В первые годы исследования хеттского языка Зоммер ошибочно принял в этом предложении (и другом, ему аналогичном) форму им. пад. pankuš за форму род. пад. (F. Sommer, Hethitisches, II, Lpz, 1922, стр. 17—18, прим. 1). Стеревант в 1951 г., со ссылкой на эту работу Зоммера тридцатилетней давности, говорил о редкой форме род. пад. на -uš и пробовал даже дать ей сравнительно-историческое объяснение: E. H. Starbuck and A. Hahn, A comparative grammar of the Hittite language, I, New Haven, 1951, стр. 86. Ср. аналогичную ошибку в Friedrich, HW, стр. 157.

²⁷ ZAG-tar «благоприятность» — противоположность KAP-la-tar «неблагоприятность» в текстах, относящихся к оракулам. Установлено F. Hrozny, Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi, Lpz, 1919, стр. 35, прим. 7.

Как уже указывалось в научной литературе, *ranku-* и *царь* в текстах оракула KIN выступают во время бросания жребия²⁸. Из различных хеттских источников известно, что царь лично принимал участие в самых разнообразных религиозных церемониях, празднествах, гаданиях²⁹. Поэтому надо думать, что и в гаданиях оракула KIN отражены эти религиозные функции царя. Поскольку *rankuš* наряду с царем участвует в гаданиях этого оракула, в текстах оракула KIN можно видеть отражение особых религиозных функций древнего собрания. В текстах оракула KIN существительное *rankuš* обычно сочетается с глаголом ME-aš «дал»; часто в этих текстах параллельно употребляются существительные *rankuš* и LUGAL-uš. Исключительный интерес представляет то, что в тексте оракула KIN — KUB, VI, 3, 13, 17 в аналогичном сочетании с LUGAL-uš «царь» и ME-aš «дал» употреблено существительное *rankur* «род». Чередование родственных существительных *rankur* и *rankuš* в параллельных текстах оракула KIN показывает, что значение *rankuš* в этих текстах было близко к значению *rankur* «род»³⁰. Поэтому можно предположить, что в текстах оракула KIN отражены религиозные функции собрания (*rankuš*) рода (*rankur*). В указанном тексте оракула KIN слово *rankur* «род» употребляется вместе со словом TI-tar «жизнь» (KUB, VI, 3, 13, 17), что можно сопоставить с выражением *rangauaš TI-tar* «жизнь *ranku-*», часто употребляющимся в текстах предсказаний (см. выше). Это сопоставление показывает, что *rangauaš TI-tar* могло иметь значение «жизнь всего рода, племени, всего данного общества».

Полный параллелизм выражений *rangauaš EME* «язык *ranku-*», *rangauaš IG I^{1.A}* «глаза (взгляд) *ranku-*», *rangauaš TI-tar* «жизнь *ranku-*», равно как и употребление этих словосочетаний в текстах близких жанров, делают вероятным тождество значений *ranku-* во всех этих сочетаниях. Выражение *rangauaš hanšannaš EME* «язык целого рода» показывает,

²⁸ G ö t z e, *Kleinasiens*, стр. 141; Furlani, *La religione degli hittiti*, стр. 136. И Гётце, и Фурлани считают, что речь идет о панкусе-собрании (*l'assemblea «собрание»* у Фурлани). Ср. также M. R i e m s c h n e i d e r, ук. соч., стр. 199.

²⁹ F u r l a n i, *La religione degli hittiti*, стр. 114; ЗВАХ, II, стр. 291—292. О религиозных функциях хеттского царя ср. также R. D u s s a u d, *Les religions des hittites et des hourrites, des phéniciens et des syriens*² («*Mana. Introduction à l'histoire des religions. Les anciens religions*»), P., 1949, стр. 350—351.

³⁰ Ср. И в а н о в, *Социальная организация...*, стр. 47. Параллелизм в употреблении слов *rankur* и *ranku-* в текстах оракула KIN ранее не отмечался в научной литературе; на употребление слова *rankur* в данном тексте обратил внимание Фридрих в одной из своих ранних работ (Z A, N. F., I, Hft 3, 1924, стр. 184), но эта его статья написана задолго до того, как была установлена связь между словами *rankur* и *ranku-*. Впервые связь этих слов была предположена А. G ö t z e, *Über die hethitische Königsfamilie*, *Ar. Or.*, II (1930), № 1, стр. 161, но он (как и все другие зарубежные ученые, занимавшиеся вопросом о родстве данных слов) не обратил внимания на то, что оба эти слова являются социальными терминами. Против гипотезы Гётце выступил Зоммер, который ошибочно предположил для слова *rankur* исходное значение «часть тела, связанная с размножением» (S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 76 и 241), не заметив того, что связь социальных терминов *rankuš* «собрание» и *rankur* «род» доказывается текстом билингвы Хаттусилиса (см. И в а н о в, *Социальная организация...*, стр. 46—47). Не занимаясь семантическим анализом связи этих слов и Э. Б е н в е н и с т, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1956, стр. 62, который, однако, дал верную интерпретацию их морфологического соотношения. Следует отметить, что плодом недоразумения является ссылка на Бенвениста в статье А. К а m m e n h u b e r, *Zur Genese der hethitischen-r/-n- Heteroclitica*, «*Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer*», Wiesbaden, 1955, стр. 105. Э. Бенвенист не только не говорит об отсутствии морфологических параллелей в индоевропейском (как ошибочно утверждает А. Камменхубер), а показывает архаичность данного типа именных основ, приводя, между прочим, древнеармянские факты, особенно близкие к хеттским, ср. армянск. *barj* «высокий» (из *bh₁ǵhur), *barjunk*^c (из *bh₁ǵhun-), хеттск. *parku* (из *bh₁ǵhu) «высокий» и совершенно однотипное хеттск. *rankur* (из *bh₁ǵhur), *rankun-aš* (из *bh₁ǵhun-) и *ranku-* (из *bh₁ǵhu-).

что и в сочетаниях с ЕМЕ ranku- могло употребляться, когда речь шла о совокупности членов рода. Как явствует из текстов, в которых употребляется выражение rangauš ЕМЕ, имелась в виду «(дурная, злая) речь, неблагоприятный приговор всего рода, племени, всей данной общественной группы». Такой приговор выносился на собраниях рода, племени, всего данного общества, чем объясняется рассмотренное выше употребление выражений rangauš ЕМЕ и rangauš IGI^{III.A} в хеттских ритуалах. С такой интерпретацией значения rankuš в хеттских текстах религиозного содержания согласуется и употребление этого существительного в текстах оракула KIN³¹.

Рассмотренные выше факты проливают свет и на другие случаи употребления rankuš в ритуалах. В тех случаях, когда rankuš в ритуалах не сочетается с ЕМЕ «язык», это существительное употребляется в значении «совокупность людей, занимающихся ритуальными церемониями; совокупность всех, участвующих в совершении обряда»³². Часто ranku- обозначает совокупность поющих или восклицающих во время богослужения. Так, в хеттских молитвах Мурсилиса II дважды повторяется стереотипная формула: nu ra-an-ku-uš a-ra-a-at e-eš-du hal-za-a-i «и совокупность всех участвующих в совершении обряда восклицает: „Да будет так!“»³³. Но ranku- может относиться и к тем, кто совершает ритуальные действия, например, в недавно опубликованном ритуальном тексте (KUB, XXXV, I, пер. 3 = LTU, стр. 9) ra-an-ku-uš i-ia-at-ta[-ri] «все участвующие в совершении обряда идут» (выступ[ают])...³⁴. В этом значении ranku- может быть противопоставлено одному³⁵, двум (KUB, XXXV, I, 36, IV) или трем (KUB, XV, 8, II, 11) людям, исполняющим особые функции при богослужении. Такие случаи показывают, что rankuš обозначал большую совокупность участвующих в обряде³⁶. Особый интерес представляет опубликованный в 1953 г. текст KUB, XXXV, 136, IV, где приводятся ритуальные песнопения, которыми обменивается rankuš и два человека, носящих название LU^{UMES} GAL-SU.NU «их начальники, главные над ними»³⁷.

³¹ Хеттские тексты оракулов имеют много общего с ритуальными текстами, ср. напр., замечания О т т е н а (Вйб. От., VIII, № 6, 229) о хеттском памятнике, в котором сочетаются черты текста оракула и ритуала.

³² НТ, 39, об., 4; KUB, XII, 8, II; III, 4; KUB, XXV, 36, II, 10; 14; 37, II, 21; 38, 5, 8; 41 и др. Ср. употребление bahú- в «Ригведе» в следующих сочетаниях: bahávas vírgas «многочисленные певцы, молящиеся» (RV, II, 18, 3), bahávas manjśinás «многочисленные молящиеся (те, кто возносит молитву во время жертвоприношения)» (RV, IX, 85,3; IX, 72,2) и bahávas náras «многочисленные мужи (совершающие жертвоприношение)» (RV, X, 107, 3).

³³ Издание О. R. G u r n e y, Hittite prayers of Mursili II, «University of Liverpool, Annals of archaeology and anthropology», XXVII (1940), стр. 34 и 36, A, IV, 18—19; B, II, 18—19; C, III, 43.

³⁴ Поэтому слишком узок перевод ranku- «хор» в текстах такого рода, данный Гётце («the chorus» — A. G o e t z e, Hittite ritual of Tunnaui, стр. 33) и принятый Вернером (W e r n e r, OLZ, 1954, стр. 297). Вернее перевод G u r n e y, Hittite prayers of Mursili II, стр. 35, 37, 116: «The congregation», но этот термин в английском языке имеет значения, слишком тесно связанные с христианским культом (как русское «паства»). Для перевода хеттского термина желательно выбрать более точный эквивалент, не навязывающий чуждых хеттскому обществу ассоциаций.

³⁵ F r i e d r i c h, Zu AO 24, 3, ZA, NF, II (1925), стр. 279.

³⁶ О количестве лиц, определяемых термином rankuš в ритуальных текстах, могут дать понятия археологические данные: согласно G u r n e y, The Hittites, стр. 145—147 и стр. 145—147, рис. 9, 10, вся совокупность участвующих в обряде («congregation») располагалась во внутреннем дворе богазкейских храмов площадью от 200 до 500 м².

³⁷ Ср. аналогичное сочетание терминов GAL-SU.NU и rank[uš] во фрагменте 164 к (LTU, стр. 115), найденном во время раскопок 1952 г.

*
*
*

В свете рассмотренных выше фактов можно предположить, что употребление хеттского существительного *rankuš* в ритуальных текстах связано с древними *sancta gentilitia* — религиозными празднествами, в которых принимала участие вся совокупность (*rankuš*) членов рода (*rankur*). Как данные текстов исторического (политического) содержания, так и данные религиозных текстов свидетельствуют о том, что *ranku-* обозначало собрание членов определенной общественной группы (первоначально рода, а затем и больших общественных единиц), имевшее юридические и религиозные функции.

Можно предположить, что *ranku-* еще задолго до создания первых письменных памятников часто употреблялось в значении «совокупный, соединенный (о социальной единице — роде или племени)». Этим бы можно было объяснить, с одной стороны, образование от него существительного архаичного гетероклитического типа *rankur* «род», с другой стороны, субстантивированное употребление слова *ranku-* в значении «родовое или племенное собрание», позднее «народное собрание». Высказанная гипотеза подтверждается данными древнейших хеттских текстов, показывающих, что связь значений *rankur* «род» и *rankuš* «народное собрание (собрание воинов)» ощущалась еще в эпоху Хаттусилиса I³⁸. Таким образом, лингвистическое исследование позволяет подтвердить высказанную в трудах ряда советских историков мысль о том, что *pankus* был пережитком собрания, характерного для родового строя³⁹.

В исторических, политических и юридических документах Нового царства термин *ranku-* «собрание» не встречается. К новохеттскому периоду могут быть отнесены лишь некоторые религиозные памятники, в которых *ranku-* употребляется в значении, близком к значению «собрание (рода, всего общества)». Но, во-первых, эти памятники сохраняют многие архаичные черты, в частности, их язык близок к древнехеттскому. Во-вторых, в этих памятниках имеются в виду прежде всего религиозные функции *ranku-* «собрания (рода, племени)». Между тем, известно, что учреждения, восходящие к родовым, могут продолжать функционировать в качестве религиозных товариществ долгое время после того, как они лишаются политического значения. Поэтому данные религиозных текстов не могут быть использованы для доказательства существования *pankusa* как политического органа в новохеттский период.

Необоснованной является гипотеза Э. Стертеванта, считавшего обращением к *pankusu* автобиографию Хаттусилиса III — одного из царей новохеттского периода. По мнению Стертеванта, «хотя документ... не обращен явно к этому органу, трудно понять, какую другую цель он мог бы иметь»⁴⁰. В действительности же автобиография Хаттусилиса III имеет явно выраженную религиозную цель — прославление богини Иштар⁴¹. Но эта религиозная цель обусловлена целью политической: Хаттусилис III, прославляя Иштар, прославляет вместе с тем самого себя — любимца и избранника этой богини. Все поступки Хаттусилиса оправ-

³⁸ См. И в а н о в, у к. соч., стр. 47.

³⁹ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 250 (раздел о хеттском царстве написан М. А. Куростовцевым); Струве, О «гуманности» хеттских законов, стр. 19—20; Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, стр. 51—57; Д. Г. Редер, Военная демократия в странах древнего Востока, УЗ МОПИ, XIV (1950), стр. 125; И. М. Дьяконов, ЗВХ, II, стр. 291; В. И. Авдиев, История древнего Востока, 1953, стр. 333.

⁴⁰ Sturtevant and Bechtel, A Hittite chrestomathy, стр. 84.

⁴¹ Ср. В. В. Струве, Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества, ИГАИМК, 97 (1934), стр. 67, прим. 28.

дываются тем, что он их совершал согласно воле Иштар. Хаттусилис в своем документе стремится также обеспечить и для своих потомков выгоды (в том числе и материальные выгоды — освобождение от налогов ⁴²), связанные с тем, что отправление культа Иштар должно стать семейной привилегией семьи Хаттусилиса III ⁴³. В этом документе с необычайной отчетливостью выражена мысль о тесной связи царя с божеством, чуждая древнейшему хеттскому обществу ⁴⁴. Поэтому автобиография Хаттусилиса III не только не служит доказательством существования панкуса в этот период, но свидетельствует о новом понимании роли царя. Отсутствие термина *panku-* «государственное собрание» в новохеттских памятниках следует связать с тем, что в результате социально-экономического развития хеттского рабовладельческого государства характер власти царя изменился. Если число древнехеттских памятников, дошедших до нас, сравнительно невелико, а среднехеттские тексты (за исключением нескольких надписей) вовсе не сохранились, то о новохеттском периоде можно составить очень полное представление благодаря наличию многообразных документов. Невероятным поэтому было бы предположение, что слово *pankuš* случайно оказалось незасвидетельствованным в новохеттских текстах. Несомненным представляется вывод, что это слово уже не употреблялось в том значении, в каком оно встречается в билингве Хаттусилиса I и документе Телепинуса. Это было связано с отмиранием народного собрания ⁴⁵.

⁴² См. A. G ö t z e, *Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattušiliš*, Lpz, 1930, стр. 48.

⁴³ Ср. G ü t e r b o c k, *Die historische Tradition...*, стр. 94—95.

⁴⁴ Для исследования роли царя в хеттском обществе значительный интерес представляет молитва о царе, исследованная A. G o e t z e, *JCS I*, № 1, стр. 90—91.

⁴⁵ К такому же выводу приходят в своих последних работах G u r n e y, *The Hittites*, стр. 69 и G ü t e r b o c k, *Authority and law...*, стр. 19. Безосновательна гипотеза М. Римшнейдер о том, что, хотя название исчезло, «судебная коллегия» сохранилась (R i e m s c h n e i d e r, *Die Welt der Hethiter*, стр. 51): ссылка на «анналы (?) Хаттусилиса в этом месте книги дает основание предположить, что Римшнейдер спутала автобиографию Хаттусилиса III с билингвой Хаттусилиса I.

